Современное старообрядчество как живая память (рец. на: Душакова Н.С. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: РГГУ, 2022. 180 с.)

О.К. Шиманская

Ольга Константиновна Шиманская | http://orcid.org/0000-0002-4185-5553 | shimansk@mail.ru | к. филос. н., старший научный сотрудник отдела социальных и политических исследований Центр по изучению проблем религии и общества | Институт Европы РАН (ул. Моховая 11-3, Москва, 125009, Россия)

Монография Н.С. Душаковой “Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом” заставляет задуматься о нелинейной взаимосвязи истории (как прошлого и всего зафиксированного в нем) и исторической памяти (т.е. значимых событий запечатленных в памяти людей). Автор изучает влияние исторических коллизий на выбор жизненной стратегии человеком и этноконфессиональным сообществом русских старообрядцев в Северо-Западном Причерноморье – регионе, входящем в разные периоды в состав разных государств, ныне относящемся к Молдове, непризнанному Приднестровью и Румынии.

Старообрядчество – благодатная тема для историков, филологов, философов, этнографов, антропологов и др. Об интересе к ее комплексному изучению свидетельствует изданный

Рецензия поступила 05.02.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 08.02.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Шиманская О.К. Современное старообрядчество как живая память (рец. на: Душакова Н.С. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: Алетейя, 2022) // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 237–242. https://doi.org/10.31857/S0869541523030144 EDN: CQRDAJ

Shimanskaya, O.K. 2023. Sovremennoe staroobriadchestvo kak zhivaia pamiat’ [The Old-Believing of Nowadays as a Live Memory]: A Review of *Prozhivaemaia istoriia: kak staroobriadtsy vspominaiut o svoem proshlom* [The Lived History: How Old-Believers Remember Their Own Past], by N.S. Dushakova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 237–242. https://doi.org/10.31857/S0869541523030144 EDN: CQRDAJ

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

С.В. Таранцом в 2018 г тиражом 100 экземпляров первый том энциклопедического словаря “Исследователи истории и культуры старообрядчества второй половины XX – начала XXI вв.” (*Таранец* 2018). Часто староверие рассматривается через оптику историко-культурной традиции, истоки которой восходят к средневековой Руси. При таком позитивистском историко-антропологическом подходе, позволяющем обратиться к исчезающему под натиском глобализации прошлому, зачастую ускользает подлинная сущность старообрядчества: оно перестает быть духовным бунтарством за чистоту веры и традиции (чем оно и являлось начиная с 1653 г. – с реформ патриарха Никона и раскола русской церкви), а превращается в реконструкцию Средневековья, в этнографическую диковинку. Такой укор бросает исследователям К.М. Товбин в своей статье “Современное старообрядчество: между деконструктивизмом и традиционализмом” (*Товбин* 2014: 56).

Монография Н.С. Душаковой, основанная на многолетних полевых экспедициях, наблюдениях, массиве глубинных и полуструктурированных интервью, анализе источников, убедительно доказывает, что старообрядчество – явление живое и развивающееся. Автор поясняет, что эта книга о том, как сегодняшние старообрядцы вспоминают и рассказывают о своем прошлом и, самое главное, “как представления об общем прошлом влияют на современные процессы самоидентификации. Иными словами, в центре внимания – *проживаемая история*” (с. 9). Некоторые интервью, предваряющие или подтверждающие выводы исследователя, приведены в тексте в качестве иллюстраций. Сильная сторона монографии не в событийно-повествовательной описательности (что и как помнят, в какой манере рассказывают о событиях прошлого), а в анализе влияния исторической памяти на сегодняшнее самосознание этноконфессионального сообщества.

Систематизация массива источников определила и структуру исследования; оно состоит из трех частей. Первая часть посвящена теоретическим вопросам: закономерностям функционирования памяти о прошлом, многослойности и вариативности исторического знания и исторической памяти. Вторая и третья части монографии строятся на анализе устных нарративов старообрядцев о прошлом, рефлексии сообщества о самобытной картине мира и перспективах самосохранения этноконфессиональной и культурной традиции. Н.С. Душакова хорошо знакома с историографией вопроса, пользуется апробированным понятийным аппаратом и инструментарием исследователя в области исторической антропологии. Она пишет: “Отталкиваясь от идеи о непрошедшем прошлом, в этой книге я рассматриваю и то, в какую картину складываются отдельные элементы прошлого и как они переосмысляются при столкновении с настоящим, как корректируется историческая память под влиянием актуальных событий” (с. 25). Автор обращается к двум основным видам воспоминаний: автобиографическим – к памяти-опыту и поколенческим (о событиях отдаленного прошлого) – к постпамяти, в терминологии М. Хирш. При этом Н.С. Душакова указывает на активный характер любого вида памятования, а также на переосмысление человеком произошедшего в процессе рассказывания и взаимодействия с интервьюером. В устных повествованиях ценны и подлинные исторические факты, и их оценки, и стереотипы, и эмоциональное отношение к событиям, и предметы, пробуждающие воспоминания. Автор монографии артикулирует связанность исторической памяти и идентичности, полагая, что их “продуктивнее рассматривать не как явления и свойства, а как текущие процессы” (с. 33). Именно поэтому “мнемоническая социализация играет важную роль во включении в

сообщество новых членов" (с. 34), она не позволяет утрачивать специфическую идентичность в пределах устоявшихся старообрядческих институтов.

История старообрядчества представляет собой совокупность историй возникновения и развития всех его направлений. Н.С. Душакова справедливо отмечает, что "наряду с еще распространенными и известными в селе так называемыми народными, или вернакулярными, версиями выделяется авторитетная версия истории" (с. 48), когда, рассказывая о событиях, респонденты ссылаются на работы известных историков. Обращение к академическим и публицистическим практикам при структурировании устной истории – общее место в нарративах староверов. Так, в Нижегородской области старообрядцы чаще всего ссылаются на авторитетный для них источник – газету "Старообрядец", издаваемую журналистом и краеведом С.В. Рудаковым, реже – на работы историков-краеведов А.В. Морохина и Ф.А. Селезнёва (ПМА 2019). Для выявления оригинального пласта воспоминаний необходим опыт работы с информантами, который, несомненно, есть у автора рецензируемой книги. Подлинность памятования дополняется сохраненными предметами обихода: печью, баней, самоваром, сарафаном, рубахой – их показывают исследователям.

Во второй части книги «"Чего нам нельзя забыть": события прошлого в устных нарративах старообрядцев» Н.С. Душакова выявляет значимые для всех опрошенных моменты истории и то, как они переосмысляются ныне живущими людьми, анализирует их влияние на повседневность, на религиозные искания и практики. К таким событиям-вехам, переломным и травматичным для группового сознания, относятся: "(а) события, связанные с началом старообрядческой истории, своего рода значимая точка отсчета, (б) миграции (как добровольные, так и вынужденные), (в) антирелигиозные кампании" (с. 62). Все респонденты одинаково уверены в том, что Никон исказил веру, что именно он был инициатором гонений, которым подверглись их предки, он вынудил раскольников бежать на новые, неосвоенные места – так локальная история интегрируется в общую историю старообрядчества. Такие же мотивы зарождения старообрядчества фиксировала на материалах Урало-Поволжья Е.С. Данилко (*Данилко* 2002). Звучащие рассказы – "это история на языке традиции" (с. 68); с расколом начинается новый миропорядок, уходит гармоничное прошлое, искажается вера. Поэтому в каноническую историософию зачастую врывается современность: так, "старообрядцы Молдовы проводят параллели между церковным расколом середины XVII в. и современными событиями, в частности с распадом СССР" (с. 67); крушение огромной страны и болезненное становление новой карты Евразии – это тоже результат своего рода раскола.

Иные представления о начале старообрядческой истории у староверов-липован Румынии. Здесь под влиянием странового культурного контекста во всемирной истории появляются сюжеты о расколе в 1054 г. христианской церкви на западную и восточную, о Флорентийской унии 1439 г. У старообрядцев Добруджи расколом именуется эпизод, относящийся к образованию белокриницкой иерархии и личности митрополита Амвросия, останавливавшегося по пути в Белую Криницу в с. Сарикёй. С визитом Амвросия связывают разделение села на две общины – белокриницкое согласие и согласие "раздорников" (ныне новозыбковцев).

Анализируя миграции, автор выделяет два их подвида в Новейшее время: добровольное переселение староверов на историческую родину из Румынии во время голода 1947 г. и переселение, связанное с раскулачиванием в Молдове. Сегодня еще живы свидетели и участники тех трагических событий, в то время

бывшие детьми. В случае с переселенцами из Румынии – люди были намеренно введены в заблуждение. Им обещали богатые наделы и устроенный быт, но на новом месте они оказались на бросовых землях, им не предоставили ни домов, ни материалов для строительства. Приехавшие из Румынии остро переживали отрыв от родного места, образа и уклада жизни, невозможность участия в привычной культовой практике. Попавшие же под каток раскулачивания говорили не только о лишениях, но и о людях, которые помогли им выжить. В условиях отсутствия предметов культа, церкви, священников и религиозной литературы на первый план выходили молитва и личная стойкость. Общие гонения, которым подвергались люди, независимо от их вероисповедания, размывали рамки, изолирующие сообщество, вели к нарушению табу на общение с иноверцами, разрушали установку на чистоту веры. Н.С. Душакова отмечает:

> В повествованиях о миграции важную роль играет память о взаимодействии с иноконфессиональным окружением как на бытовом уровне (совместное проживание и/или экономическая взаимопомощь), так и на уровне религиозных практик (например, коллективное чтение религиозных текстов в ссылке в Курганской области) (с. 100).

То есть воинственный секуляризм сплачивал мозаичные части христианского сообщества, приводил к осознанию общности их ценностного ядра как основы возможного межконфессионального диалога.

Разбираются в монографии и способы преодоления травматического опыта с помощью религиозных ресурсов: памятование о пережитом старших родичей, выразившееся, например, в обетных праздниках (с. 97–98); покаяние и христианское прощение тех, кто инициировал гонения или был к ним причастен (с. 100). Мне довелось присутствовать на интервью, проводившихся Натальей Душаковой, и меня поразил акцент на христианском прощении в рассказах депортированных.

Антирелигиозные кампании в Молдове в 1958–1964 гг. не были особенно жесткими. Несмотря на партийную установку на закрытие церквей, все зависело от авторитета священников на местах и личной позиции местных властей, о чем говорят материалы интервью. Автор монографии подчеркивает, что для середины XX в. было характерно сочетание народной религиозной традиции и приватизации веры – ухода религии из публичной сферы в частную (с. 124). Среди старообрядцев Молдовы “распространено мнение о том, что в советское время, несмотря ни на какие действия властей, вера была крепче, люди больше молились” (с. 123), это подтверждается и *Pew Research Center* (Исследовательский центр Пью) (Религия… 2017), отметившим, что верующих людей в Молдавии в 70–80-е годы XX в. было на 10% больше, чем сейчас. Румынские же старообрядцы, по словам Н.С. Душаковой, советский период своей истории именуют не иначе как “фальшивая коммунизма” (с. 124). Надо сказать, что приход к власти в Румынии после Второй мировой войны коммунистов не сопровождался массовой секуляризацией, сравнимой с той, что была в СССР (*Биткова* 2006), и староверы жили традиционным укладом.

В третьей главе “Мнемонические сообщества: память о принадлежности и выстраивании групповых границ” автор анализирует влияние исторической памяти на процессы самоидентификации, технологию включения и исключения из сообществ – «как происходит разделение на “своих”, “других”, “чужих”» (с. 125). Признаками идентичности выступают традиционная одежда и самоназвания. Наиболее распространены в регионе наименования “кацапы” и “липоване”, хотя используются также “кержаки” и “макогоне” – все они не имеют

негативного оттенка. Применение самоназвания “кацапы”, по составленной автором карте, больше характерно для востока и северо-востока Молдавии, “липоване” – для юга и юго-запада.

Выстраивание отношений с иноконфессиональным окружением у старообрядцев всегда жестко регламентировалось: определялись четкие границы взаимодействия с “иноверцами”, немирщение с ними в быту и т.д. Современные процессы (глобализация, урбанизация и переезд в города и т.д.) не обходят стороной и старообрядцев. Так, если до 80-х годов XX в. у них почти не было смешанных браков, то сейчас они встречаются все чаще. Полевые материалы автора показывают, что в настоящее время запретительные предписания передаются молодому поколению как рекомендации, следование им желательно, при возможности. Тем не менее люди, соблюдающие запреты, уважаются одноверцами. Н.С. Душакова делает важный вывод: “Внутри традиции постоянно вырабатываются способы смягчения правил… ликвидации последствий их нарушения – вплоть до изменения самих правил, их адаптации к меняющемуся социокультурному контексту” (с. 163). Традиция из нормы становится идеалом, а выстраивание отношений с “другими” допускается при условии проведения очистительных, умилостивительных обрядов, восстанавливающих ритуальную чистоту.

Изученная Н.С. Душаковой стратегия адаптации староверов Северо-Западного Причерноморья через функционирование исторической памяти свидетельствует о том, что старообрядчество оформляется сегодня в особую религиозную субкультуру, ищущую свое место в современном мире, но стремящуюся сохранить свои самобытные идентичность и веру.

Источники и материалы

ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Семёновский р-н Нижегородской обл., июль 2019 г. (информанты: А.С. Лебедев, 1937 г.р.; А.И. Ильин, 1954 г.р.; отец Игорь, 1965 г.р.; М.В. Алмазова, 1980 г.р.).

Религия 2017 – Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе // Pew Research Center: Мировая динамика: цифры, факты, тенденции. 2017 г. https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf

Научная литература

Биткова Т.Г. Церковь в Румынии // Религия и церковь в Центрально-Восточной Европе в начале XXI в. / Отв. ред. Шаншиева Л.Н. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 42–72.

Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа: Гилем, 2002.

Таранец С.В. (науч. ред. и сост.) Старообрядоведение: энциклопедический и биобиблиографический словарь: исследователи истории и культуры старообрядчества второй половины XX – начала XXI вв: к XVI Международному съезду славистов в г. Белграде: В 3 т. Т. 1. Киев: Ліра-К, 2018.

Товбин К.М. Современное старообрядчество: между деконструктивизмом и традиционализмом // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия, Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 52–59.

B o o k R e v i e w

Shimanskaya, O.K. The Old-Believing of Nowadays as a Live Memory [Sovremennoe staroobriadchestvo kak zhivaia pamiat']: A Review of *Prozhivaemaia istoriia: kak staroobriadtsy vspominaiut o svoem proshlom* [The Lived History: How Old-Believers Remember Their Own Past], by N.S. Dushakova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 237–242. https://doi.org/10.31857/S0869541523030144 EDN: CQRDAJ ISSN 0869-5415
© Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Olga Shimanskaya | http://orcid.org/0000-0002-4185-5553 | shimansk@mail.ru | Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (11-3 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia)